

Я.В. Сарычев
Ya. V. Sarychev

О ДВУХ НЕЗАМЕТНЫХ ЮБИЛЕЯХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ABOUT TWO INCONSPICUOUS ANNIVERSARIES OF RUSSIAN POETRY

В статье обыгрываются две юбилейные даты: 200-летие формального завершения деятельности «Общества любомудрия» (1823–1825) и 130-летие выхода в свет двух поэтических сборников раннего символизма: «Молодой поэзии» в редакции П.П. Перцова и брюсовских «Русских символистов» (1895). Эти события – не только важные вехи в развитии русской поэзии, ее отличительных принципов и особенностей, но и до известной степени ее ключевые моменты. Интеллектуальная культура и эстетика любомудрия теоретически предвосхищает и реально продуцирует специфику пушкинской поэтической эпохи с ее тягой к национальному самосознанию и литературной самобытности, вовлекает в свою орбиту не только «поэтов-любомудров» и вообще поборников «философской поэзии», включая Е.А. Боратынского, Ф.И. Тютчева, но и гении А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, всю наличную «аристократическую» культуру, поэтическую, прозаическую и философскую. Точно так же и русский модернизм на иных ментально-эстетических основаниях, но типологически сходным образом отдает приоритет своему особому «декадентскому» сознанию перед непосредственно стихотворчеством и тем самым, в частности, формирует вокруг себя необходимую культурную среду даже из эстетически и идеологически не вполне родных элементов (феномен «Молодой поэзии»).

Ключевые слова: любомудрие, сознание, национально-философское самосознание, модернизм, декадентство, маргинальность.

The article highlights two anniversaries: the 200th anniversary of the formal completion of the "Society of Love of Wisdom" (1823–1825) and the 130th anniversary of the publication of two poetry collections of early symbolism: "Young Poetry" edited by P.P. Pertsov and Bryusov's "Russian Symbolists" (1895). These events are not only important milestones in the development of Russian poetry, its distinctive principles and features, but also, to a certain extent, its key moments. Intellectual culture and the aesthetics of love of wisdom theoretically anticipates and actually produces the specifics of the Pushkin poetic era with its craving for national identity and literary identity, draws into its orbit not only "poets of love of wisdom" and generally champions of "philosophical poetry", including E.A. Boratynsky, F.I. Tyutchev, but also the geniuses of A.S. Pushkin, M.Y. Lermontov, all available "aristocratic" culture, poetic, prosaic and philosophical. Similarly, Russian modernism, on other mental and aesthetic grounds, but in a typologically similar way, gives priority to its special "decadent" consciousness over poetry itself and thereby, in particular, forms the necessary cultural environment around itself, even from aesthetically and ideologically not quite related elements (the phenomenon of "Young Poetry").

Трудно оспорить, что юбилеи русской литературной классики вообще стали как-то незаметны в постсоветский период: нет ни прежней масштабности юбилейных торжеств с их широким, как сейчас выражаются, медийным освещением, проникающим в сознание едва ли не каждого образованного человека, ни продуманной на уровне государственной политики системы научных исследований с изданием академических собраний сочинений, монографий, тематических сборников и материалов конференций, приуроченных к знаменательной дате. Что и говорить, если за последние полтора с небольшим десятилетия, считая от 200-летия со дня рождения Н.В. Гоголя, незаметной чередой прошли 300-летие М.В. Ломоносова, 200-летие В.Г. Белинского, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, не говоря уже о не столь «круглых» датах и менее звучных именах. Собственно, и окончание текущего года, ознаменованное 200-летием восстания декабристов, сопровождается почти гробовым молчанием, а вместе с тем уходит под спуд теперь уже целый блистательный этап в общественно-литературной жизни России, ведь в декабристский «шум» («Шумим, братец, шумим») были вовлечены, за редким исключением, едва ли не все заметные писатели рубежа 1810–1820-х годов, его отголоски были слышны вплоть до 1840-х, да и из самой «заговорщической» среды нетрудно вычленил несколько первоклассных авторов, каждый из которых мог бы составить честь и славу любой среднестатистической европейской литературе.

Речь у нас, однако, пойдет не о нарочито «не замечаемых», но общепризнанных литературных феноменах, а о действительно *незаметных*, которым не уделялось должного внимания и в советские годы, причем отнюдь не по идеологическим мотивам.

И первое такое событие – формальное прекращение деятельности (фактический самороспуск не без опосредованной связи с декабристским восстанием) «Общества любомудрия» (1823–1825). Само любомудрие, правда, от этого никуда не делось, и, «организационно» возродившись в формате журнала «Московский вестник» (1827–1830), последовательно эволюционировало затем в сторону славянофильства через «Телескоп» Н.И. Надеждина на его начальном этапе, несостоявшийся «Европеец» И.В. Киреевского и «Московский наблюдатель» середины 1830-х годов. Состав Общества и вообще ближний круг любомудрия (В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, С.П. Шевырев, М.П. Погодин, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, А.И. Кошелев, В.П. Титов, Н.М. Рожалин и др.) также наглядно, одними персоналиями, демонстрирует движение от исходного пиетета перед философией, преимущественно немецкой трансцендентальной и шеллингианской, от постулирования необходимости и прогноза качеств оригинальной русской философии к последовательному славянофильскому мирозерцанию. Не представляют чего-то неизведанного ни эстетика, ни поэзия любомудров, ни их программа «поэзии мысли», «синтеза поэзии и философии»; в советские годы на эти темы опубликованы минимум два фундаментальных труда [2; 3], не утративших значения и поныне. Сверх того, аура любомудрия традиционно распространяется на имена Е.А. Боратынского, Ф.И. Тютчева, Н.М. Языкова. Все это, что называется, информация для специалиста не новая, при желании легко вычленимая даже из самых поверхностных и популярных источников.

Тем не менее, любомудрие, «русское шеллингианство», невзирая на пальму первенства в деле становления русской философии и оригинальной философской поэзии, никогда, ни «при жизни», ни постфактум, не было вознесено на гребень волны. Вопиющая историческая несправедливость, впрочем, вполне объяснимая. Достаточно хотя бы провести параллель со стоящим рядом в эпоху декабризма как чем-то по всеобщему впечатлению актуальным, современным, массовым, блестящим, эклектичным, пафосным, вольнодумным и «гражданским», морально и политически симпатичным, отвечавшим сложившейся

практике отношения к «самовластью». Ясно, что на этом фоне будет неизменно проигрывать глубокий интеллектуализм, любые попытки планомерного выстраивания литературы «на твердых началах философии», а шире и точнее – выстраивания (пусть и несколько теоретическим образом, без достаточной «художественной практики») национально-философского и национально-культурного самосознания в России. Кстати, подобный «культурный национализм» тоже немало вредил любомудрию в общественном мнении и научных симпатиях XIX–XX веков. Между тем именно «незаметная» и не замечаемая «школа» любомудрия, объективно возникшая как интеллектуальный противовес декабристскому «шуму» и вообще «французскому методу», совершила невозможный тектонический сдвиг наличной словесности в сторону национальной самобытности и самосознания, а предметнее и уже – в сторону «периода поэзии русско-пушкинской» [1, 53], по выражению И.В. Киреевского.

Действительно, отмечая ключевой вклад любомудров в формирование исходных принципов и начальной практики русской философской поэзии, ученые как бы отказываются видеть, что она входит составной частью именно в «русско-пушкинскую» поэзию второй половины 1820-х – начала 1840-х годов и потому объективно не может не влиять на нее. Бесспорно, главные лавры в сотворении пушкинской эпохи принадлежит гению А.С. Пушкина. Но не следует сбрасывать со счетов показательный тандем Пушкина с любомудрами и «Московским вестником», где опубликована внушительная часть пушкинских стихов второй половины 1820-х годов. И именно с этого же времени у Пушкина появляется философская лирика (со всеми сопутствующими ей религиозно-метафизическими резиньяциями) как значимая и устойчивая, постоянная, а не случайная и единичная составляющая творчества. Естественно, закономерности эволюции поэта здесь вновь на первом месте, но, думается, бессмысленно отрицать и привходящий, изменившийся в сторону «нашей философии» [1, 68] и внутреннего сосредоточения, дух эпохи. Не забудем, что и юный безвестный поэт М.Ю. Лермонтов держал в руках «Московский вестник», соотносил свои первые шаги в том числе и с этим изданием, что удельный вес консервативно-славянофильской партии в лермонтовском литературном окружении был весьма внушительным, а последнее из опубликованных при жизни стихотворений, «Спор», было передано именно в «Москвитянин», чем явно была нарушена негласная клятва верности А.А. Краевскому. Говоря отвлеченно, если последовательно рассмотреть Лермонтова в призме и парадигме любомудрия, то могут открыться удивительные вещи, может оказаться, что этот «поэт сверхчеловечества», по слову Д.С. Мережковского, или социальный романтик-протестант, по воззрению В.Г. Белинского, на деле есть поэт пусть и «сверхчеловеческого», но любомудрия [11]. Упомянутые выше поэты Веневитинов, Шевырев, Хомяков, Языков, Боратынский, Тютчев лишь «фоном» дополняют и закругляют обрисовываемую картину. Или возьмем небезызвестную полемику «литературных аристократов» (любомудров, Пушкина, пушкинского круга) с «торговым направлением» – совершенно недооцененную сшибку двух парадигм: изящно-аристократической, высокохудожественной и интеллектуальной словесности «русско-пушкинского» типа, культурного проекта, уже достаточно проявившегося, и подспудно возникающей «демократической» литературы, в полный рост показавшей себя позднее, в «натуральной школе» и затем в 1860–1870-е годы. Если вдуматься, то неочевидным результатом этой полемики (то есть опять никак не связываемым в науке с ментально-эстетическими посылами любомудрия, с установкой на философскую и национально-культурную содержательность) стал постепенный, но планомерный переход от «поэтического» к «прозаическому» фазису русской литературы на пространстве 1830–1840-х годов. Никто не отрицает роли «смирдинской клики» и тем более Белинского (тоже, кстати, исходного «шеллингианца») в идеологическом обосновании перехода к «прозаическому периоду», но мы убеждены, что первый импульс этому процессу придало именно любомудрие; другое дело, что изящно-аристократическая проза (та же «поэзия» по традиционной фразировке того времени), образцы которой даны

не только В.Ф. Одоевским, отчасти Н.Ф. Павловым, но и в «смиренной» прозе Пушкина, «малороссийских повестях» Гоголя, не стала эталоном для последующего литературного развития.

В качестве подтверждения всему прежде сказанному обратимся к программному документу – последней статье рано умершего Д.В. Веневитинова (1805–1827) «О состоянии просвещения в России», также известной по редакторскому названию «Несколько мыслей в план журнала». «Уму человеческому сродно действовать, – начинает идеолог любомудрия, – и если б он у нас следовал естественному ходу, то характер народа развился бы собственной своей силой и принял бы направление самобытное, ему свойственное; но мы <...> получили форму литературы прежде самой ее сущности. У нас прежде учебных книг появляются журналы, которые обыкновенно бывают плодом учености и признаком общей образованности, и эти журналы до сих пор служат пищею нашему невежеству, занимая ум игрою ума <...> тогда как мы еще не вникли в сущность познания...» [10, 201–202]. Далее следует переход от пропедевтического посыла к самой сути: «...причина нашей слабости в литературном отношении заключалась не столько в образе мысли, сколько в бездействии мысли. Мы отбросили французские правила <...> правила неверные заменялись у нас отсутствием всяких правил. Одним из пагубных последствий сего недостатка... была всеобщая страсть выражаться в стихах. Многочисленность стихотворцев во всяком народе есть вернейший признак его легкомыслия (блестящий афоризм! – Я.С.) <...> истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами... У нас язык поэзии превращается в механизм <...> чувство некоторым образом освобождает от обязанности мыслить <...> Надобно бы совершенно остановить нынешний ход ее (России. – Я.С.) словесности и заставить ее более думать, нежели производить. <...> Для сей цели надлежало бы некоторым образом устранить Россию от нынешнего движения других народов, закрыть от взоров ее все маловажные происшествия в литературном мире... и, опираясь на твердые начала новейшей философии, представить ей полную картину развития ума человеческого, картину, в которой бы она видела свое собственное предназначение» [10, 202–203]. Эта заветная цель должна лечь в основу программы «Московского вестника», и Веневитинов абсолютно уверен, что «временное устранение от настоящего произведет еще важнейшую пользу»: «...мы невольно принуждены будем действовать собственным умом <...> мы сами сделаемся преимущественным предметом наших разысканий» [10, 203–204].

По веневитиновскому высказыванию отчетливо видно, как и, главное, когда (середина – вторая половина 1820-х годов) из «чистого» любомудрия, традиционно понимаемого как пietet перед «новейшей философией», начало проклевываться не менее чистое славянофильство. Причем в озвученной версии это славянофильство доходит до радикального лозунга о национально-культурном изоляционизме, совершенно необходимом для поиска своей самобытности. Кстати, для той культурной среды, рупором которой выступает Веневитинов, воззрение отнюдь не неожиданное; достаточно вспомнить А.С. Грибоедова и монолог Чацкого «В той комнате незначущая встреча...». Мы не будем повторно распространяться относительно четко прописанной в цитируемом фрагменте мысли о необходимости национально-философского и национально-культурного самосознания для конституирования самобытной литературы в России, но прокомментировать напрямую связанное с этим посылом веневитиновское представление о наличном состоянии русской поэзии необходимо. В сущности, Веневитинов не отрицает по-своему блестящий и совершенный ее уровень со стороны литературной формы (хотя и при легкомысленной пустоте заимствованного извне европейско-французского содержания и метода). И нужно иметь большую интеллектуальную смелость, чтобы радикально отказаться от достигнутого великолепия, от того, так сказать, поэтического маньеризма рубежа 1810–1820-х годов, от условных Батюшкова, Вяземского, молодого Пушкина и иных «шумных» вольнодумцев во имя

гипотетически правильного сложения еще не существующей национальной поэзии, самосознающей себя в национальном качестве и философски углубленной в собственные «разыскания». Иная грань вневитиновской мысли не менее революционна: «начала новейшей философии», как оказывается, менее вредны и даже полезны для выработки своих «воззрений» и поэтических форм, не в пример сугубо литературным модам и влияниям, идущим с Запада и будоражащим неготовые к такой экспансии умы авторов и читающей публики. И действительно, философская методология «правильного» познания менее поработает ум, нежели некритичное «чувственное» восприятие готового и притом модного продукта.

От 200-летнего юбилея Любомудрия перенесемся теперь в самый конец XIX века, в 1895 год, к менее «круглому» юбилею модернистской поэзии. Ее 130-летие, конечно, весьма условная дата, если учесть, что первые ласточки появились в конце 1880-х годов, «Символы» Д.С. Мережковского опубликованы в 1890-м, а его же модернистский манифест «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» – в 1893-м. Но почему-то именно 1895 год в общественном восприятии считается переломным в плане торжества, громкой заявки о себе «новых течений», в чем были согласны и их апологеты, и яростные гонители. Не в последнюю очередь это убеждение связано с выходом сразу двух разных по целеполаганию и семантике поэтических сборников откровенно «декадентской» направленности: «Молодая поэзия. Сборник избранных стихотворений молодых русских поэтов» (начало февраля 1895 г.), подготовленный неофитом «новых течений» П.П. Перцовым при участии двоюродного брата [6], и «Русские символисты» (с подзаголовком «Лето 1895 года») под эгидой и при подавляющем авторском присутствии В.Я. Брюсова [9].

В брюсовском сборнике, самом «ударном» из предложенной серии «Русских символистов», есть все, что необходимо для искомого имиджа крайне радикального «декадента», неразлучного с именем Брюсова: и «Тень несозданных созданий...» [9, 12], еще не получившая окончательного поясняющего названия «Творчество», и «верлибр» «Мертвецы, освещенные газом!» [9, 14] за подписью В. Дарова, но авторства того же Брюсова, и «гениальное однострочное стихотворение» [5, 34] «О закрой свои бледные ноги» [9, 13], «причем по точке, замыкающей строку, и по пустому полю листа, ее окружающему, мы заключаем, что... некоторый "субъект" без остатка выразил все внутреннее свое содержание» [8, 279]. «И надо радоваться, что все это наконец объявилось. Поэтому – слава г. Валерию Брюсову и всем, иже с ним! <...> Отчего же не попробовать загрести жар этими чужими, хотя и фиолетовыми руками?» – саркастически восклицал хранитель «наследства 1860–1870-х годов», последовательный враг декаданса, «русского отражения французского символизма» Н.К. Михайловский, а затем вполне серьезно и с прискорбием констатировал, что «общественное осуждение» этих «безобразных выходов» «...лишено энергии <...> и им любо издеваться над этим общественным бессилием – вот он я!» [5, 37–38].

Публицист и критик старой народнической школы, что называется, зрит в корень: дело не только и не столько в нарочитом «декадентском эпатаже» и эстетическом перформансе «отражений французского символизма» как таковых, а именно в *отмене* посредством «фиолетовых рук», «бледных ног», «звонко-звучной тишины» и прочих красот «наследства 1860–1870 годов» (выражение В.В. Розанова), всей предшествующей «честной русской мысли» и демократической культуры. Недоговаривает (возможно, и не понимает) Михайловский лишь одного: эта отмена производится посредством нового, маргинального по качеству сознания. Сознания, естественно, модернистского, которому чуть позже Мережковский со своих высших точек зрения даст наименование «нового религиозного сознания». Брюсов, конечно, индифферентен к любой религии и «неколебимой истине», но, как видим, не так прост, как кажется или хочет казаться, и не только одни вопросы «чистого искусства» и литературного новаторства занимают его ум, но и вопросы сознания; он вполне владеет «эстетическими» технологиями воздействия на массовое и традиционное

сознание, знает, как подорвать неприемлемую ментальность «хранителей наследства» во имя продвижения своего и коллективного модернистского задания.

Еще интересней и убедительней выглядит перцовский проект «Молодой поэзии», хотя бы потому, что это не бенефис одного творца «шедевров» с парой-тройкой последователей, а полноценный и объемный сборник, поэтическая подборка сорока двух реально существующих авторов: «Бальмонт, Брюсов, Будищев, Бунин, гр. Бутурлин, Величко, Гербановский, Гессен, Дренгельн, Жиркевич, Вл. Жуковский, Коринфский, Косунович, кн. Кугушев, Ладыженский, Лебедев, Ленцевич, Лохвицкая, Лукьянов, Льдов, Лялечкин, Мазуркевич, Медведев, Медведский, Мережковский, Минский, Надсон, Павлов, Панов, Порфиоров, Ратгауз, К.Р., Сафонов, Соколов, Тулуб, Федоров, Фофанов, Фруг, Червинский, Шестаков, Шуф, Энгельгардт» [7, 133].

Казалось бы, при таком разном имен и знаменуемых ими эстетических тенденций, литературных школ, при всей неизбежной эклектике подобного замысла, трудно сказать что-либо о направлении издания, да и сам Перцов спустя почти сорок лет в «Литературных воспоминаниях» (1933) как-то не вполне убедительно говорит о своем намерении представить «фофановское» направление и «вообще весь этот зарево период новейшей русской поэзии – перед восхождением зенитного солнца символизма» [7, 131]. Между тем текущая критика образца 1895 года, не в пример редактору-составителю, вполне проникательно квалифицировала «Молодую поэзию» как сугубо «декадентское» начинание. И впрямь, молодая поэзия уже по самой семантике заглавия должна противостоять старой, традиционной. И дело здесь отнюдь не в возрастном цензе «до сорока лет», установленном Перцовым.

Как же получилось, что эклектичный сборник, представленный в массе своей далеко не выдающимися поэтами и даже откровенными эпигонами («поэтами безвременья», как говорили о них в советские годы), разбавленный малой толикой хоть сколько-нибудь заметных и резонансных имен, имел не только коммерческих успех (быстро разошедшийся тираж), но и сразу был опознан в своем модернистском качестве? На этот вопрос, пожалуй, нет иного ответа, кроме как того, что и в брюсовском случае: суть дела в апелляции к маргинальному (на фоне устоявшейся традиции) поэтическому сознанию, объективно «самосознающему» себя в модернистском качестве. Если вдаваться в эмпирику, то имеем до десятка условных и безусловных поэтов-«фофановцев» (К. Фофанов, С. Сафонов, Ф. Червинский, Д. Шестаков, П. Порфиоров, Н. Соколов, С. Фруг, Н. Энгельгардт), чуть меньше – выраженных «символистов и декадентов» (Н. Минский, Д. Мережковский, К. Бальмонт, В. Брюсов, П. Бутурлин, М. Лохвицкая); к этой когорте сам Перцов добавляет еще В. Дренгельна (Юрьева), Вл. Жуковского, И. Лялечкина. Итого – до двух десятков имен, остальная половина – «поэты безвременья», среди которых есть и довольно известные на рубеже 1880–1890-х годов (В. Величко, А. Коринфский, К. Льдов, Д. Ратгауз, К.Р.). Получается, что ситуативное вкрапление лишь нескольких узнаваемых «декадентских» имен или даже просто носителей немного видоизмененного в сравнении с традицией поэтического мироощущения, немного «модерной» эстетики и поэтики, до неузнаваемости преобразует характер всего сборника, переводит его в последовательно-модернистское качество. Получается именно то, на что тремя годами ранее уповал Мережковский в своем манифесте: «...все литературные темпераменты, все направления, все школы охвачены одним порывом, волною одного могучего и глубокого течения... ему принадлежит великая будущность» [4, 554]. Поистине, «творение из ничего», совершенно не учитываемое при разговоре о русском модернизме и его генезисе.

Вместе с тем мы видим, как поэзия и философия любомудрия непроизвольно протягивает руку русскому модернизму – через типологически общую, сродную (хотя исторически, мировоззренчески и эстетически совершенно различную) работу в области сознания, и не только поэтического. Неспроста наши модернисты весьма деликатно, а зачастую и комплиментарно относились к «русско-пушкинской» поэзии. В любом случае

сопоставление двух «юбилеев» способно дать определенную пищу для «ума человеческого» и самобытных научных изысканий.

1. Киреевский И.В. *Критика и эстетика* / редкол.: М.Ф. Овсянников и др.; сост., вступ. ст. и примеч. Ю.В. Манна. М., 1979.
2. Маймин Е.А. *Русская философская поэзия. Поэты-любомудры. А.С. Пушкин. Ф.И. Тютчев. М., 1976.*
3. Манн Ю.В. *Русская философская эстетика (1820–1830-е гг.)*. М., 1969.
4. Мережковский Д.С. *Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники* / подгот. текста, послесл. М. Еролаева; коммент. А. Архангельской, М. Еролаева. М., 1995.
5. Михайловский Н.К. *Литература и жизнь // Русское богатство. 1895. № 10. Отд. II. С. 32–38.*
6. *Молодая поэзия: сборник избранных стихотворений молодых русских поэтов* / сост. П. и В. Перцовы. СПб., 1895.
7. Перцов П.П. *Литературные воспоминания. 1890–1902 гг.* / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 2002.
8. Розанов В.В. *Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет* / сост., вступ. ст. В.В. Ерофеева; коммент. О. Дарка. М., 1990.
9. *Русские символисты. Лето 1895 года*. М., 1895.
10. *Русские эстетические трактаты первой трети XIX в.: в 2 т.* / редкол.: М.Ф. Овсянников и др.; сост., вступ. ст. и примеч. З.А. Каменского. М., 1974. Т. 2.
11. Сарычев Я.В. М.Ю. Лермонтов через двести пять лет: о некоторых проблемах изучения // М.Ю. Лермонтов в истории, культуре и образовании: материалы всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием, посвящ. 205-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова / под ред. Г.М. Корякиной, В.В. Абрамовой, Т.И. Бербаиш, И.М. Елисеевой. Липецк, 2019. С. 178–184.

Информация об авторе

Ярослав Владимирович Сарычев,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Россия).
398020, Россия, Липецкая область,
Липецк, ул. Ленина, 42.
Доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры русского языка и литературы.
Научные интересы: русский модернизм,
творческий феномен писателя, религиозно-
философские искания и национальное
самосознание в литературе.
ORCID ID: 0000-0002-3552-8513
SPIN-код: 2396-1959, AuthorID: 430141
E-mail: sarychev.yaroslav@yandex.ru

Information about the author

Yaroslav V. Sarychev,
Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky
(Lipetsk, Russia).
398020, Russia, Lipetsk region,
Lipetsk, Lenina str., 42.
Doctor of Sciences in Philology, Docent,
Professor of the Department of Russian Language
and Literature.
Research interests: Russian modernism,
the creative phenomenon of the writer,
religious and philosophical quest
and national identity in literature.
ORCID ID: 0000-0002-3552-8513
SPIN-code: 2396-1959, AuthorID: 430141
E-mail: sarychev.yaroslav@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.10.2025;
одобрена после рецензирования 20.10.2025;
принята к публикации 20.10.2025;
опубликована 18.12.2025.

The article was submitted 02.10.2025;
approved after reviewing 20.10.2025;
accepted for publication 20.10.2025;
published 18.12.2025.

Ссылка для цитирования: Сарычев, Я.В. О двух незаметных юбилеях русской поэзии // *Филологос*. 2025. № 4 (67). С. 76–83. DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-76-83.

For citation: Sarychev, Ya.V. About two inconspicuous anniversaries of Russian poetry // Philologos. 2025. No. 4 (67). Pp. 76–83. DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-76-83.

Права: © Я.В. Сарычев (2025). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY-NC 4.0).